

Пишу, чтобы помочь вспомнить

Во время войны на Сталинградский фронт были направлены 3700 девушек из Уфы, Уфимского, Белорецкого, Стерлибашевского, Буздякского, Дюртюлинского, Аургазинского и других районов Башкирии. Они участвовали в противовоздушной обороне города на Волге, были наблюдателями, наводчицами, зенитчицами, прожектористками, телефонистками, медсестрами, санитарками. Водителями автомашин в составе воинских частей 62-й и 64-й армий.

Таисия Петровна Веденеева (в девичестве Дмитриева) была одной из молодых девушек, которые после окончания педагогического училища ушли на фронт. А в 1942 году под Сталинградом произошла история, после которой она потеряла память...

Уже в 1970 году это письмо прислала Таисии девушка Надя (ее фамилия, к сожалению, неизвестна), с ней вместе они и попали под ту ужасную бомбардировку. Надя подробно описывает события дня, чтобы помочь фронтовой подруге вернуть память.

Это письмо и фотографию в редакцию передали родные Таисии Петровны, которой уже нет в живых. Строки, где рассказ о войне ведется от первого лица, потрясают душу, не оставляя равнодушным никого. И в тоже время раскрывают ту самую правду о войне, которой нам так не хватает, даже спустя 75 лет.

Дорогая Тасенька! Возможностью написать друг другу письмо мы с тобой обязаны Клавде Козловой, это она мне помогла тебя разыскать. Почти 28 лет я каждый раз, когда вспоминала Сталинград, думала о тебе: «Где Тася, какая у нее судьба, если она жива?»

И вот помог случай. На встрече однополчан 9 мая в Волгограде командир роты Фомин спросил, кто знает о судьбе девочек, которых разбомбили на станции Сарепта

8 августа 1942 года. Оказалось, что одна из тех девчат жива, а про вторую известно, что она живет в Белорецке. Так я узнала, что ты жива и собиралась написать тебе. Но ты меня опередила, за что я тебе искренне благодарна. Очень тебе советую зайти к Клавде Козловой, она тебе покажет фотокарточки нашей встречи, может, кого узнаешь.

Немного о себе. Живем мы с сыном, снохой и маленькой Наталочкой, ей скоро будет 7 месяцев. Работаю я на моторостроительном заводе, в парткоме инструктором. Мама с папой тоже живут в Уфе. Имеем коллективный сад 6 соток. Это все наше богатство. Будешь в Уфе, заезжай.

Теперь напишу всё, что помню о солдатской жизни периода Сталинграда, напишу о том, что тебе интересно. Итак, после учебной роты, где в течение месяца обучали военной специальности, нас разослали по боевым позициям. Мы с тобой попали в один расчет. Я была прожектористом № 1, а ты (сейчас точно не помню) - прожектористом или связистом. Нас было три девчонки в расчете. Имя и фамилию третьей, к сожалению, не помню. Наш расчет из шести человек был расположен на товарной станции Сарепта, командиром был сержант Фомин (однофамилец командира роты) и еще два бойца. Помню Мишу, это был веселый парень невысокого роста, очень хорошо пел и плясал.



Тетя Тая. Веденеева (Дмитриева) Таисия Петровна.
1918 – 1996 год.
Сталинград – прожектористка.

Только он имел одну слабость – воровал, но не для себя, а для всех. Например, разбомбят где-нибудь магазин или баржу какую-нибудь, он обязательно туда убежит и что-нибудь для всех принесет. Или заберется в вагон с продуктами и оттуда что-то возьмет. В то время город находился на осадном положении, и нам выдавали по паре сухарей и сушеную рыбу. А благодаря Мише у нас бывали и масло, и крупы, и прочее. Кстати, вот я сейчас не помню, но мне кажется, что ты ходила на бахчи за арбузами и притаскивала почти целый мешок, не боялась даже бомбежки. Я очень завидовала твоей храбрости. А мы арбузные корки одевали на голову вместо касок, так как было очень жарко.

Примерно с июля изменился распорядок дня. Днем - отбой, мы должны были спать, но не всегда это получалось. Завтрак, обед, ужин – всё было ночью. И вот наступил злополучный день 8 августа 1942 года. Это был банный день, а поэтому с утра (перед отбоем) мы поужинали, привели в порядок материальную часть после ночной боевой работы, а спать не легли, пошли в баню. Я стояла на посту. Но почему-то в этот день баня не работала, и все вернулись обратно, легли спать, а я продолжала стоять на посту. И вот ровно в два часа дня над нами появилась «рама» (немецкий самолет-разведчик), полетал минут пять. Зенитчики открыли огонь, но он ушел от снарядов. Буквально через 5-7 минут появились три немецких бомбардировщика, развернулись, и один из них спикировал прямо на нашу позицию. Я ясно видела, как оторвались одна за другой четыре бомбы. Всё вокруг загрохотало. Все сонные выскочили из домика, в котором мы жили. Мы с тобой побежали к прожектору, сержант Фомин - к машине, остальных я не видела. Фомин попытался завести машину, но не удалось, ее разбили, а он чудом спасся. Мы с тобой всеми силами пытались вывезти прожектор из окопа, ведь нас так учили: погибни, но материальную часть спаси. Ничего не получилось, у нас не хватало сил. В этот момент на позиции было 5 человек. Девушка выскочила из домика, с Мишей они побежали к Волге. Её ранило, Миша перевязал, дальше я не знаю, что с ней было, а Миша остался жив и невредим.

На станции Сарепта стояло несколько эшелонов с боеприпасами, в том числе платформы с авиабомбами, цистерны с горючим, словом, все линии были заняты. Буквально за несколько минут до начала бомбежки отвели два эшелона с эвакуированными. А рядом со станицей был склад с боеприпасами. Вот в таком окружении были мы. После того, как были сброшены бомбы, мы в этом пекле остались с тобой вдвоем.

Все гремело, горело и громыхало, все было объято пламенем и бесконечными взрывами. Видимо, воздушной волной тебя забросило в колодец, который был рядом с домиком. Этим колодцем мы не пользовались, воды в нем было мало. Я пришла тебе на помощь. Хорошо помню, о чем мы с тобой говорили в этом колодце, зацепившись за цепь от ведра. А наверху вся земля содрогалась, как в лихорадке, а я тебе говорила, что когда была маленькая, то мне бабушка рассказывала сказки про рай и ад. Вот в моем представлении ад – это именно то, что мы с тобой переживали и что происходило вокруг нас.

Сколько мы просидели в этом колодце, я не знаю, но, во-первых, мы страшно продрогли, во-вторых, все стало гореть: сначала дом, в котором мы жили, потом и околышек колодца. Дышать стало нечем. И вот ты говоришь: «Надя, нам нужно отсюда выбираться, от дыма, говорят, очень тяжело умирать. Дом-то сейчас на нас свалится, а потом нас не найдут и подумают, что мы струсили и убежали. Давай вылезем и погибнем наверху, там нас хоть найдут и похоронят».

Думать, что мы там выживем, было невероятно. И мы стали выбираться из колодца. Вот сейчас я даже представить себе не могу, как нам это удалось, стены были скользкими и мокрыми. Я только хорошо помню, что мы очень долго возились, пробовали несколько вариантов. Надели противогазы и все-таки выбрались, только волосы, одежда и руки обгорели.

А наверху - сплошной огонь. На бруствере окопа, где был прожектор, какая-то разбитая машина оказалась, хотя близко не было проезжей дороги, а рядом - труп шофера. Около эшелона с

боеприпасами, который весь обгорел, несколько трупов матросов, охранявших состав. Единственным не до конца сгоревшим остался вагон с трассирующими пулями, которые рвались и разлетались во все стороны, как фейерверк. И мы с тобой пробежали мимо этого вагона, другого выхода у нас не было, мы пошли на страшный риск. Я до сих пор удивляюсь, как ни одна пуля не задела нас. Это было почти невозможно, но мы пробежали через этот дождь из пуль. А бежали мы, задирая ноги выше носа. И вот в этом аду откуда ни возьмись – коза стоит рядом с разбитой машиной. Так и оказались там три живых души: коза и мы с тобой.

Вокруг всё было в багровом пламени, только в одном месте был виден просвет, огонь был побледнее и дым не такой густой. Мы направились в ту сторону, прошли несколько железнодорожных линий, подлезли под сгоревшие, раскаленные вагоны, вышли на большую поляну за пределы станции. Первое, что мы увидели: нет домика, в котором жила стрелочница, а она стоит растрепанная и то плачет, то смеется. Нам она рассказала, что первая бомба попала в погреб, куда она спрятала двоих детишек, а вторая в дом. Ребятишек мы этих сахаром угощали, когда они приходили к нам. Мы с тобой постояли немного с этой убитой горем женщиной и пошли тихонько. Пройдя несколько шагов, оглянулись и буквально обалдели. Мы не могли понять, как вышли из сплошного огня, который полыхал за нами...

Пожали плечами и направились на командный пункт. Всю дорогу мы очень оживленно разговаривали, рассказывали друг другу кто и в какой момент как выглядел, смеялись. И сами себе говорили, какие мы смешные, грязные, обгорелые. Как же пойдем в таком виде на КП роты? Прежде чем дойти, нужно было преодолеть поляну, затем железную дорогу и только там, рядом с балкой, был КП.

Наше появление стало для всех неожиданным, нас уже похоронили, а тут, извольте радоваться, явились. Нас окружили, стали расспрашивать. Я все рассказала командиру, а ты молчала. Затем приехал командир батальона, я и ему начала рассказывать, а на полуслове у меня оборвалась речь. Как оказалось потом, на целых три месяца. Врач, осмотревший меня, пообещал, что это пройдет. Так и случилось. Правда, я некоторое время заикалась.

А с тобой произошло вот что: когда мы пришли на КП роты, ты чувствовала себя спокойно до появления первого самолета. Только услышав звук мотора (а самолет летел наш), ты вскочила и не знала, куда себя деть, побежала в одну, потом в другую сторону. Тебя пытались остановить, убеждали, что это наш самолет, но ты никого не слушала и ничего не говорила, только продолжала метаться. В этот день тебя увезли в полевой госпиталь, затем ты, видимо, попала в Саратов. Вот во что обошлась эта бомбежка.

А как стало известно при встрече с командиром в этом году 9 мая в Сталинграде, нас бомбили тогда не три, а тридцать самолетов. Все там было перемешено с землей. Все потом говорили, что не могли представить, что кто-то останется в живых. А вот мы с тобой остались, хотя это очень дорого нам стоило, особенно тебе, Тасенька.

Теперь экскурсоводы Волгограда по просьбе Фомина будут рассказывать, как две девушки, благодаря своему мужеству и находчивости, не растерялись и спасли себе жизнь в совершенно невероятных условиях.

Вот так, дорогая Тасенька, напиши, до какого момента ты помнишь хоть что-нибудь. Может, после этого письма у тебя что-нибудь воскресилось в памяти. Ведь такое тоже бывает. Обнимаю, целую.

Надя. Жду письмо. 29 июля 1970 года.

Источник:

Нарушевич, Т. Пишу, чтобы помочь вспомнить : [участница Великой Отечественной войны Т. П. Веденева (Дмитриева)] / Т. Нарушевич. – Текст : непосредственный // Белорецкий рабочий. – 2020. – 12 мая. – С. 6.